

Литературныя замѣтки.

Юрій Бѣляевъ

17 февраля 1917

Юрій Бѣляевъ—какое это разнообразіе способностей и влеченій. Онъ—театральный критикъ, онъ—драматургъ, онъ—белетристъ, онъ—журналистъ, онъ—рисовальщикъ—каррикатуристъ, онъ, наконецъ, даже актеръ, режиссеръ, а въ жизни—занятельный рассказчикъ-имитаторъ, «душа общества», «прыжущій весельемъ и остроуміемъ человекъ». Богато одаренная натура Юрія Бѣяева раскидалась золотой россыпью художественныхъ исканій. Но нашелъ ли онъ себя? Его специальностью была театральная критика, но было ли это у него «дѣломъ души»? Мы знаемъ—отъ критики его повлекло сначала въ драматургію, а затѣмъ въ тихую пристань белетристики. И затѣмъ ему хотѣлось играть, и затѣмъ это былъ такой безподобный рассказчикъ, такой тонкій юмористъ въ рисунокѣ. Вы ясно видите что-то большое и мягущееся, ищущее и не находящее. Такимъ онъ и ушелъ отъ насъ въ блескъ, въ шкрякъ многихъ талантовъ, но безъ завѣта, безъ руля и маяка. Осталась загадка—нѣскольکو томиковъ всякихъ опытовъ, попытокъ, общаній. Но не хотѣлось бы отмахнуться отъ Бѣяева однимъ признаніемъ его талантовъ, есть какая-то невольная потребность «прощупать» истинный «пульсъ» Бѣяева, найти его сокровенное призваніе. Оно должно быть тутъ, въ этой грудѣ «всякихъ книжечекъ», гдѣ-то тутъ спрятано и таится затаенно. Не въ театрѣ ли все дѣло? И въ самомъ дѣлѣ, его театральная критика такъ блестяща и непосредственна, въ ней столько живого интереса къ сценѣ, столько поэтического огня и тонкаго чутія. Но вотъ вы окунулись въ эти огни, въ это поэтическое сверканіе,—но гдѣ же то главное, что составляетъ «критику»? Гдѣ анализъ, гдѣ строгая мысль, гдѣ критическая дисциплина и порядокъ теоріи и традиціи? Передъ вами вдохновенныя художественныя впечатлѣнія, тонкія эстетическія замѣчанія, хорошій вкусъ и полное отсутствіе большой вдохновляющей идеи. Передъ вами не судья, не «власть вмушій», не диктующій рубежи и утверждающій устой, а увлекающійся экспансивный зритель, подчасъ разглядывающій сцену съ любопытствомъ новорожденного, подчасъ теряющійся въ тучной толпѣ и общемъ пониманіи. Но почему же его такъ тянуло къ театальному зрѣлищу? Думаю, что какъ къ наиболее сгущенному и красочному проявленію жизни. Въ области столичной культуры театр—это самый яркій цвѣтокъ, самое жгучее впечатлѣніе. Тутъ и лица и чувства подчеркнуты, раскрашены, тутъ жизнь выбираетъ себѣ самыя пышныя одежды, тутъ договариваются и дорисовываются всѣ шопоты и намеки дѣйствительности. Жизнь—какъ прѣсная и мутная вода, театр—какъ искристое шампанское. И кто хочетъ полноты жизни и не получаетъ ея, тотъ идетъ въ театръ, тотъ дополняетъ свои обыденныя ощущенія острой приправой сценическихъ миражей. Театр—это «горчица», это «соленькое», даже больше—хмѣль и забвеніе. Такъ ли это было у Бѣяева, но во всякомъ случаѣ у него театр не былъ вышшимъ откровеніемъ и тайной, требующей разгадки. Въ своихъ театальныхъ впечатлѣніяхъ онъ не даетъ этихъ разгадокъ, не ищетъ новыхъ горизонтовъ, а просто прижимаетъ лицевое дѣйство, какъ грюлю и щѣльную жизнь, какъ пріятную мелодію и пышный нарядъ. Въ немъ не было ни «Мейерхольда, ни Евреинова, но въ немъ былъ «кусочекъ Бѣлинскаго», въ немъ часто вспыхивалъ пожаръ отъ силы и яркости сценической жизни. Его влекло къ стихійнымъ талантамъ, къ цѣльнымъ характерамъ, онъ былъ прѣвцомъ Сальвини, Зандрокъ, Дуэ, Режанъ, онъ искренно увлекался «заклинательницей змѣй» Коммисаржевской, трагической Ермоловой, перевоплощающейся Савиной. Но въ его восторгахъ, въ его поклоненіи и дирирамбахъ ясно слышится шопотъ и еосхищеніе ошеломленного зрителя, а не тотъ свободный восторгъ, какимъ гора въ высшее пониманіе. Не было «идеи», не было мысли, не было высокаго построенія, вовущаго идеала. Бѣляевъ бралъ интуиціей, хорошимъ здоровымъ вкусомъ, а больше всего живой впечатлительностью, литературнымъ мастерствомъ, бойкостью пера. Онъ игралъ стилемъ, какъ хорошо обученнымъ конемъ, изошрятся въ пріемахъ, подчасъ вовсе не заботясь о «задачахъ театра». Хлесткій и острый, онъ не велъ однако никакой «кампаніи», никакой борьбы, не очерчивалъ вокругъ себя никакой идеологіи. Въ немъ не было возмущенія и борьбы за «направленіе». Подсмѣиваясь «надъ художественниками», онъ однако принималъ ихъ «postfactum» и такъ и не разграничилъ пониманій реализма и натурализма. Со смертью А. С. Суворина, неутомимаго энтузіаста театра и вдохновителя Юрія Бѣяева, и Бѣляевъ какъ-то поостылъ къ театальной критикѣ, какъ-то обмякъ и расположился въ своихъ сужденіяхъ. Увлеченіе прошло—его смѣнило другое увлеченіе, другое исканіе. Бѣляевъ—драматургъ.